

ниях между народами, где было больше хорошего, нежели плохого. Являясь составной частью культурной дипломатии, туристическая дипломатия способствует поддержанию благоприятной тенденции к количественному и качественному развитию китайско-японских отношений во всех сферах.

Источники и литература:

1. Джин Юши. Пространственная структура туристических действий материковых китайских туристов в Японию / Юши Джин // *Мировая география исследований*. – 2017. – Т. 26, № 2. – С. 110–118. (на кит. яз.)
2. Некоторые члены китайской молодежной делегации на вечеринке с японскими друзьями в Токио [Электронный ресурс] // Портал китайского правительства. – Режим доступа: http://www.gov.cn/jrzg/2008-05/08/content_964285.htm. – Дата доступа: 30.03.2020. (на кит. яз.)
3. Японская национальная туристическая организация (JNTO) [Электронный ресурс] // Национальный туристский интернет-портал Японии. – Режим доступа: <https://www.jnto.go.jp/jpn/index.html>. – Дата доступа: 20.03.2020. (на япон. яз.)
4. Ежегодник по статистике в сфере туризма в Китае / Министерство культуры и туризма КНР, 1992–2019. – Пекин : Туристическое издательство КНР, 1992–2019. (на кит. яз.)
5. Кан Чэнвэнь. Анализ влияния вопроса о острове Дяоюйоо на китайско-японские экономические отношения / Чэнвэнь Кан // *Изучай Японию*. – 2014. – № 2. – С. 1–5. (на кит. яз.)
6. Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с важной речью на конгрессе по дружбе и обмену между Китаем и Японией [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. – Режим доступа: <http://src.people.com.cn/n/2015/0524/c64094-27046720.html>. – Дата доступа: 18.03.2020. (на кит. яз.)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

А.П. Шмелев, В.В. Сикираж (Н. Новгород)

Глобализация в рамках современных международных отношений носит всеобъемлющий характер, таким образом эффект взаимозависимости затрагивает все сферы государственной жизни от политики и экономики до культуры и быта населения. В свою очередь, для такого актора на международной арене, как Китай, с учетом общей секуляризации общества, как одного из трендов глобализации, религиозный фактор является одним из ключевых и в национальной политике КНР, и во внешнеполитической деятельности.

Основными религиозно-философскими течениями в Китае являются буддизм, конфуцианство и даосизм, однако не сами они, а положения этих учений, собранные в своеобразной синкретической манере, диктуют поведение людей, их отношение к обществу, природе и, самое главное, к государству. На протяжении всей истории сложилось так, что религиозная идеология, заложенная в эти постулаты, управляет общественной жизнью китайцев таким образом: конфуцианство – основа общественных отношений, буддизм – мистических верований, даосизм – объясняет положение

человека в природе. Религия исторически является неотъемлемой частью человеческого социума, зачастую объединяя людей вне зависимости от их этноса или положения в обществе и предотвращая распри с помощью заложенных в нее моральных установок. Обеспечение свободы вероисповедания, пресечения религиозного и этнического экстремизма, а также содействие религиозному диалогу во благо всему мировому сообществу являются общей повесткой для стран всех мира. Китайское правительство, проанализировав тенденции развития религий и их адаптацию к новому мировому порядку, учитывая, как положительный, так и отрицательный опыт внутри и вне государства, для содействия развитию стабильных и гармоничных религиозных отношений, официально закрепило права на свободу вероисповедания в законодательной базе. В докладе, с которым выступил генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин на XIX съезде КПК, говорилось о том, что, проводя в жизнь основной курс Партии в области религиозной работы, необходимо придерживаться курса китаизации религий и активно содействовать адаптации религий к нуждам социалистического общества [2, р. IV, п.6].

Несмотря на действующее законодательство в стране разрешено функционирование лишь определенных религиозных организаций, чья деятельность строго контролируется свыше. Религии кроме официально разрешенных (буддизм, даосизм, католицизм, некоторые протестантские деноминации, ислам) вне закона и не могут быть зарегистрированы [1, р. 2]. Таким образом, КПК сама формирует религиозный мир внутри государства, смягчая ограничения лишь для лояльного режиму конфессий и их представителей. Хотя различные учения не запрещены, а даже поддерживаются, идеологической основой правящей партии служат постулаты марксизма, под которые интегрируют остальные идеи. Так, еще во времена Дэн Сяопина были провозглашены «четыре основных принципа»: «отстаивать социалистический путь, отстаивать диктатуру пролетариата, руководство со стороны партии, марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна» [3]. Принцип «единения без унификации» способствует идее уникальности и превосходства китайских идеологических и культурных ценностей. На XIX съезде КПК Си Цзиньпин в своем выступлении, развивая идею Мао Цзэдуна, выразил необходимость объединения всех учений и традиций в стране для преодоления существующих политических проблем: «Необходимо стоять на позиции служения народу и делу социализма, неуклонно придерживаться курса «пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ», стимулировать творческое внедрение плодов культуры и ее инновационное развитие для того, чтобы китайская культура непрерывно сияла блеском новых достижений» [2, р. VII].

Многие идеи, высказываемые китайским правительством сопряжены с так называемой «Китайской мечтой», что требует превращение в действительность Столетних целей [7]:

– «Завершение всестороннего строительства общества малого благосостояния (сяокан)» к 2021 г.;

– «Создание сильного богатого демократического цивилизованного гармоничного социалистического модернизированного государства» к 2049 г.

Хотя может показаться, что «китайская мечта» охватывает аспекты лишь внутренней политики, она в большой степени влияет и на принятие внешнеполитических решений. Так, по заявлению Си Цзиньпина, «Китайская мечта» – это «мечта о мире, развитии, сотрудничестве и взаимной выгоде, она взаимно соприкасается с лучшими мечтами всех народов мира, включая американскую мечту» [7]. Также он дополнил эту идею понятием «общности судеб» всех народов мира. Именно благодаря «китайской мечте» идея общенародной консолидации закрепились в китайской идеологии, что не смогли полностью привнести иные учения.

Но, даже подобные идеологические установки не могут полностью предотвратить межэтнические и межконфессиональные конфликты, что отображается в критике политики КНР со стороны США и стран Запада. С 1990-х гг. СУАР (Синьцзян-Уйгурский Автономный Район) является одним из проблемных в стране регионов, что связано с распространением радикального ислама [6]. В связи с этим власти Китая предпринимали попытки мирного противодействия нежелательным идеям. Однако после событий 2009 и 2013–2014 годов стало понятно, что необходимо ужесточение режима по отношению к радикально настроенным группам и индивидам. Исходя из идеи консолидации народов и курса на «китаизацию», были созданы специальные учреждения по переобучению, которые по уверению правительства Китая направлены отнюдь не на ущемление гражданских прав и свобод, закрепленных законом, а на искоренение терроризма и религиозного экстремизма. При этом, в лагерях, заключенным, проходящим переобучение, гарантируются все базовые права, прописанные в Конституции КНР [8].

Естественно, что, при такой ситуации внутри государства, этим не могли не воспользоваться заграничные конкуренты. В связи с чем обострились и без того натянутые отношения с США, обвинившими Китай в ущемлении свободы вероисповедания путем уничтожения культурно-религиозных мест и заключение под стражу жителей, исповедующих ислам. Однако на момент 2019 года в Китае насчитывалось примерно 24800 мечетей, что равно одной на 530 прихожан [4]. В случае же с профессиональными учебно-тренировочными центрами китайская сторона приводит как аргумент отсутствие терактов за три года существования лагерей, их соответствие законам Китая и поддержку ООН [5]. В данном случае можно воспринимать высказывания западных держав как политические попытки подрыва авторитета и государственности КНР.

В свою очередь, Пекин пытается выстроить диалог с мировым сообществом посредством обмена в религиозной сфере и мирного взаимодействия на различных международных религиозных площадках. Китай поддерживает отношения с религиозными организациями 80-ти стран мира и активно участвует на конференциях, организованных Всемирной конференцией религий за мир, Всемирным братством буддистов, Всемир-

ным советом церквей, Всемирной исламской лигой и другими международными организациями, способствующими общечеловеческому пониманию и веротерпимости. Присутствие его представителей на сессиях Совета ООН по правам человека и многих диалогах, посвященных правам человека, вызывают уверенность в гуманных целях КНР. Более того, китайские религиозные круги, активно откликнувшись на инициативу «Пояс и путь», продвигают сближение народов и взаимопроникновение культур. Буддийские круги Китая четыре раза проводили международный буддийский форум, а даосские круги – международный даосский форум. Теперь эти два форума стали важными платформами обмена между китайскими и зарубежными буддийскими и даосскими кругами. Исламская ассоциация Китая в 2012 и 2014 годах проводила исламские культурные мероприятия в Турции и Малайзии. Китайские и американские христианские церкви в 2013 году провели 2-й форум китайских и американских христианских лидеров в Шанхае, а в 2017 году – семинар «Сотрудники китайских церквей» в США. В 2016 году Исламская ассоциация Китая, Китайское христианское общество, Католическая патриотическая ассоциация Китая и Китайский католический епископский колледж совместно с Немецким протестантским союзом провели в Германии «Религиозный диалог между Китаем и Германией – мир и совместное пользование». После начала проведения политики реформ и открытости китайские религиозные организации направили больше 1000 человек на учебу за границу [1, р. 5].

Таким образом, можно констатировать факт того, что религиозная составляющая с учетом курса на «китаизацию» религий и культур является одной из ключевых при реализации КНР и внутренней политики, и международных отношений с различными государствами мира.

Источники и литература:

1. Белая книга «Политика и практика обеспечения свободы вероисповедания в Китае» [Электронный ресурс] // СИНЬХУА Новости. – 25.05.2018. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2018-05/25/c_137206040.htm. – Дата доступа: 05.04.2020.
2. Доклад Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина на 19-м съезде КПК [Электронный ресурс] // СИНЬХУА Новости. – 2017. – 03 ноября. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm. – Дата доступа: 10.02.2020.
3. Доклад Генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя на XV Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс] // China Internet Information Center. – 1997. – 12 сентября. – Режим доступа: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-06/17/content_8950978.htm. – Дата доступа: 30.03.2020.
4. Необходимо уважать факты и отказываться от предубеждений [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао. – 2019. – 23 июля. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/n3/2019/0723/c31521-9599633.html>. – Дата доступа: 13.03.2020.
5. Коростиков, М. Уйгурам не хватило подписей [Электронный ресурс] / М. Коростиков // Коммерсантъ. – 2019. – 15 июля. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4031915>. – Дата доступа: 19.03.2020.
6. Бибилова, О.П. Уйгурский джихад в Китае и Сирии [Электронный ресурс]. – 2018. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/uygurskiy-dzhihad-v-kitae-i-sirii/viewer>. – Дата доступа: 16.03.2020.

7. 中国梦. (Китайская мечта) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://baike.baidu.com>. 百度. – Дата доступа: 30.03.2020.

8. 新疆的职业技能教育培训工作 (Профессиональное образование и обучение в Синьцзяне) [Электронный ресурс]. – 2019. – 16 августа. – Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/politics/2019-08/16/c_1124883270.htm. – Дата доступа: 27.03.2020.

ЭКОНОМИКА И ТОРГОВЛЯ МЕЖДУ МОНГОЛИЕЙ И КИТАЕМ В 2007–2017 гг.

Тунлага (Минск)

Экономика и торговля между Монголией и Китаем связаны во многом с географическим положением. Монголия и Китай имеют более 4710 км общей границы. С быстрым развитием индустриализации и урбанизации Китая спрос в КНР на ресурсы продолжает расти для обеспечения экономической безопасности страны и поддержки национальной экономики. Для поддержания хорошего развития крайне важно создать базу резервных ресурсов и долгосрочного стратегического партнера в области энергетики. Богатые ресурсы Монголии и отсталая индустриализация образуют хорошую взаимодополняемость с Китаем.

Взаимодополняемость в экономическом развитии и уникальное географическое преимущество заложили прочную основу для экономического и торгового сотрудничества между двумя странами, что также дает возможность установления широкой перспективы сотрудничества. Китай стал крупнейшим торговым партнером Монголии уже более десяти лет назад и играет важную роль в содействии её экономическому развитию.

Объем взаимной торговли. Импорт. Экспорт данных Монголии из Китая (2007–2017 гг.), млн долл. США.

Год	Объем взаимной торговли	Экспорт	Импорт
2007	40	21	19
2008	61	36	25
2009	40	21	19
2010	62	33	29
2011	114	66	48
2012	111	67	44
2013	107	64	43
2014	112	52	58
2015	85	38	47
2016	83	34	49
2017	105	43	62

Источник: Монгол Улсын статистикий эмхтгэл 2007–2017. [Статистический сборник Монголии [2007–2017]. улаанбаатар, 2007–2017 гг.; Mongolian statistical information service [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.1212.mn/>. – Date of access: 05.01.2020.